

© 2004 г.

Т. В. ШИПУНОВА

ПРОБЛЕМА СИНТЕЗА ТЕОРИЙ ДЕВИАНТНОСТИ

ШИПУНОВА Татьяна Владимировна - кандидат социологических наук, доцент факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Дискуссии о возможностях междисциплинарного подхода к изучению нарушения норм, версии методологического основания для проведения соответствующих комплексных исследований так или иначе выдвигают проблему синтеза накопленных знаний о негативных социальных явлениях. Не последнюю роль в актуализации этой проблемы играет и возрастающий скепсис практиков относительно научного объяснения социального зла и выработки адекватных рекомендаций по его минимизации. Ее решение усложняется в силу феномена релятивизации представлений о норме как таковой, характерного для обыденной жизни в современных условиях.

Междисциплинарность подразумевает не просто объединение разных подходов к рассмотрению предмета изучения, но создание метатеории (или общей теории), которая могла бы объединить уже существующие знания об объекте изучения и стать базой для синтеза, интеграции новых знаний [1, с. 49-50]. При этом главным выступает поиск основания, позволяющего непротиворечивым образом объединить имеющиеся подходы к объяснению интересующих нас явлений. Это объяснение не может быть полным без раскрытия причин девиантности. В конечном счете социология стремится отразить в умозрительно сконструированной реальности функциональные зависимости (генетические причинные связи) между относительно самостоятельными социальными явлениями и процессами.

Отметим некоторые возникающие при этом, на наш взгляд, методологические вопросы. И криминология, и девиантология, изучая отдельные явления преступности и девиации, раскрывают то общее, что им присуще. При описании этих явлений могут использоваться разные виды объяснений: *семантическое* (отвечает на вопрос "что это?", т.е. дает имя явлению, определяет понятие), *историко-генетическое* (отвечает на вопрос "как и когда это возникло?"), *причинно-следственное* ("почему, по какой причине это возникло?"), *функциональное* ("чему это служит, каково его предназначение?"), *телеологическое* ("какова его цель или с какой целью это сделано?"). Однако наиболее полное представление об исследуемом предмете достигается в результате одновременного использования нескольких их видов [2]. При описании преступности и девиантности в целом целесообразно использовать семантическое, историко-генетическое и причинно-следственное виды описания. В результате обнаруживается искусственность противостояния статистического (нормативистская парадигма) и процессного (социологическая парадигма) подходов при объяснении негативных социальных явлений, поскольку все виды объяснений являются взаимодополнительными, а предпочтение одного из видов обусловлено ситуацией и/или научными интересами исследователей.

Вместе с тем необходимо различать причины отдельных девиаций как единичных явлений и причины девиантности как массового явления. Многие не проводят такого различения. Путаница в понимании соотношения субъективной и объективной детерминант преступного (девиантного) поведения возникает в результате отождествления понятия "объективная детерминация" с понятием "внешняя причина". Но объективная детерминация имеет две составляющие: внутреннюю и внешнюю. Объясняя детерминацию преступного (девиантного) поступка конкретного человека, следует проследить влияние трех составляющих: *внутреннюю объективную причину* (например, психофизиологическое расстройство), *внутреннюю субъективную причину* (решение самого человека как акт его свободной воли) и *внешнюю причину* (воздействие окружающей среды в настоящем или в прошлом опыте человека). Если при относительном равенстве внешних детерминант в данной конкретной ситуации данный вид девиантного поведения совершает много людей, то в этом случае влияние внешней детерминации будет значительно больше, нежели внутренней. В отличие от форм индивидуальных отклонений в детерминации форм массовых отклонений доминирующее значение приобретают внешние причины.

Позитивные положения различных теорий можно синтезировать, исходя из единой концептуальной основы, удовлетворяющей следующим требованиям: а) она облегчает соединение микро- и макроуровней изучаемого явления и, следовательно, соединение причинных теорий девиантного поступка, развиваемых в рамках различных моделей личности девианта и/или преступника, и причинных теорий девиантности; б) эта основа должна быть представлена наиболее абстрактной категорией, позволяющей не только объединить существующие теории, но и вскрыть те стороны социальной реальности, которые могут детерминировать девиантность (т.е. синтетическая концепция должна быть открытой для дальнейшего развития). В качестве такой категории может выступить "социальная несправедливость". Понятно, она предстает как нарушение социальной справедливости.

Но что такое - социальная справедливость? Поиску ответа на этот вопрос посвящены труды многих выдающихся мыслителей: Платона, Аристотеля, Дидро, Руссо, Мора, Кампанеллы, Сен-Симона, Канта, П. Сорокина и других. В советское время изучением социальной справедливости занимались Т.И. Заславская, Е. Дубко, Л.М. Архангельский, СИ. Григорьев, А.А. Гусейнов, В.Н. Кудрявцев, В.С. Нерсесянц, Г.В. Мальцев, А.И. Экимов, В.Ф. Яковлев и др. Среди зарубежных и российских исследователей можно также назвать имена Дж. Ролза, К. Поппера, М. Десайи, М. Сена, В.В. Козловского, В.Н. Аргуновой, В.А. Троцковской и др.

Социальная справедливость как идеальная ценность представляет собой предельное представление о том, каким должны быть мир и общество, чтобы обеспечивать "свободу, равенство, братство", соблюдение прав всех людей в обществе или в целом на Земле. Это идеальное представление задает желаемые ценностные ориентиры. Однако в подходах к изучению феномена социальной справедливости наблюдается и другое направление мысли. В работах П. Сорокина, К. Поппера, Дж. Ролза, В.Н. Аргуновой и др. можно заметить одно и то же стремление - операционализировать понятие социальной справедливости, т.е. конкретизировать эту идеальную общечеловеческую ценность, перейти к анализу реальных социальных практик. Конкретизация происходит через описание *объема* понятия, т.е. через составление перечня того, что считается справедливым в данном обществе в данное время (например, права человека, свобода, равенство перед законом и т.д.). Важен также анализ его *содержания*. Переход от рассмотрения социальной справедливости как идеальной ценности к ее рассмотрению как операциональной или инструментальной ценности предполагает раскрытие не только желаемых ориентиров (обозримых целей), но и средств их достижения.

У Дж. Ролза [3, с. 19-29], к примеру, трактовка социальной справедливости как *идеальной ценности* содержится в "теории строгого согласия", а как операциональной или *инструментальной* — в "теории частичного согласия". Если соединить в од-

ном определении различные ракурсы рассмотрения справедливости, то под ней можно понимать меру общественной пользы (социальной адекватности) законов и других нормативных предписаний (формальных и неформальных), устанавливающих и поддерживающих на основе соглашения такой порядок жизнедеятельности людей и организаций, физических и юридических лиц, который способствует выживанию и развитию социума, а также обеспечивает интеграцию и достойное существование членов общества.

Термин "достойное существование" означает совокупность благ, которые провозглашаются в качестве таковых в современном обществе: мера свободы, равенства, социальная защищенность, уровень образования, включенность индивида в социальные сети, широкие возможности выбора легальных видов деятельности и т.д. и т.п. Социально справедливыми являются те институты, формы правления, нормы и законы, которые создают и поддерживают (в меру возможности) справедливость в отношении отдельного человека в его взаимоотношениях с другими людьми, социальными институтами (в том числе и государством как органом управления) и обществом в целом. Нарушение социальной справедливости (*социальная несправедливость*) приводит к социальному исключению, психологическому состоянию отчуждения и, как следствие, к разным формам нарушения социальных норм (как официальных, так и неофициальных). Следует различать отдельные относительно самостоятельные формы социальной несправедливости: экономическую, моральную, правовую, социально-политическую, культурную, социально-демографическую.

Соглашение между субъектами социального взаимодействия "на выходе" имеет какое-то решение и оформляется в виде нормативного предписания ("генеральной" формальной или неформальной социальной нормы), которое конкретизируется, уточняется, подкрепляется рядом новых нормативных предписаний ("обслуживающие" нормы). Если "генеральные" и "обслуживающие" нормы являются социально неадекватными *объективно или только в сознании большей части населения*, то на *социетальном уровне* они предстают в виде негативных социальных явлений (аномии; дестабилизации; несправедливой стигматизации некоторых видов поступков и деятельности; конфликта властей и социальных групп; неравных возможностей и т.д.), а на *индивидуальном уровне* воспринимаются как несправедливые и ограничивающие свободу. Результатом неизбежно станут разного рода нарушения норм (преступления, деликты, проступки и т.д.), которые отражают момент рассогласования интересов и несогласие с официально проводимой политикой. Таким образом, критериями уровня справедливости/несправедливости и социальной адекватности/неадекватности системы нормативных предписаний являются актуализированные протестные реакции людей: высокий уровень нарушения норм (официальных и неофициальных); низкий уровень толерантности; забастовки или другие формы выражения несогласия; субъективное чувство несправедливости у граждан; низкий уровень доверия к официальным социальным институтам; равнодушное или резко отрицательное отношение к мероприятиям, проводимым государством; аполитичность; конфликты между социальными группами и т.д. К другим критериям уровня социальной справедливости/несправедливости можно отнести показатели уровня и качества жизни населения, индекс человеческого развития и его варианты, формирующиеся в зависимости от целей исследования, сужение "поля возможностей" для легальной деятельности.

В общественном арсенале имеются по крайней мере две стратегии поддержания уровня социальной справедливости: ее *установление* благодаря выработке социально адекватных норм и *восстановление* поправленной справедливости в отношении отдельных граждан, социальных групп и подсистем. Восстановлением занимаются различные политические и общественные организации и объединения, правовые структуры, профсоюзы, учреждения социальной работы.

Все существующие теории девиантности и преступности, по сути дела, прямо или косвенно раскрывают ту или иную сторону, ту или иную форму *социальной несправедливости*, которая существует в двух ипостасях: 1) как несправедливость, твори-

мая человеком (социальными группами) в отношении других людей (социальных групп) и/или общества в целом; 2) как несправедливость, творимая в отношении самого человека (социальной группы) другими людьми (социальными группами), властью, политическим режимом, государственной машиной. В первом случае человек сам творит несправедливость, и его поведение выступает девиантным или преступным и обусловлено внутренней объективной или внутренней субъективной причинами. Во втором случае девиантность и преступность предстают как протестные реакции человека (социальных групп) против чинимой против него (них) несправедливости. Все существующие теории (если отвлечься от моментов их некорректности) описывают именно это, но каждая из них - по-своему.

Если теперь с этих позиций посмотреть на модели личности преступника, то окажется, что все они в той или иной мере описывают проявления и последствия социальной несправедливости на индивидуальном уровне, осуществляемой посредством социального исключения, насилия (в том числе и "системного") и вызывающей чувство отчуждения.

В рационально-просветительской модели формирование личности преступника обусловлено существующим несправедливым неравенством в получении образования и средств, обеспечивающих достойное существование (теория рационального выбора). Если говорить о современном западном обществе, в котором нивелированы (не по существу, а лишь в прикрытой форме) гротескные различия между очень богатыми и нищими, то "достойное существование" - это не просто возможность удовлетворения самых необходимых потребностей, но удовлетворение на таком уровне, который соответствует стандартам качества, принятым в данном обществе на данном этапе его развития. Это достойное существование напрямую зависит от полученного образования и соответствующего этому образованию социального статуса [4, с. 277]. Многочисленные исследования показывают, что уровень образования влияет на различные стороны жизнедеятельности людей, например, состояние здоровья, политическую активность, потребление табака, организацию питания и т.д. К примеру, "с ростом уровня образования матери снижается младенческая и детская смертность, поскольку независимо от уровня дохода в семье улучшается качество ухода за детьми и их питание" [там же].

Имеется и обратная зависимость. Так, установлена связь между уровнем образования и некоторыми видами преступности. Основные виды преступлений против личности (убийства и покушения на убийства, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилования и покушения на изнасилования, разбои, грабежи, кражи) совершаются людьми, имеющими низкий уровень образования. Данные свидетельствуют, что первое место по этим показателям занимают рабочие, за ними, с достаточно большим отрывом - в несколько, иногда в 7 раз, следуют учащиеся (по убийствам и покушениям на убийства, умышленному причинению тяжкого вреда здоровью, изнасилованиям и покушениям на изнасилования, хулиганству). Исключения из названных видов преступлений составляют разбои, грабежи и кражи. Здесь разница в показателях у рабочих и учащихся невелика. Кроме преступлений против личности, рабочие доминируют при совершении преступлений, связанных с наркотическими средствами, психотропными и сильнодействующими веществами, хулиганскими проявлениями, присвоением и растратами. По всем названным видам преступлений первое место занимают лица без постоянного источника дохода [5]. Последний показатель также можно рассматривать как свидетельство зависимости нормонарушаемости от уровня образования.

Низкий уровень образования и неусвоенность фундаментальных нравственных норм ведут к самому изощренному и циничному физическому насилию, немотивированной жестокости подростковых преступных группировок. Этим можно объяснить и рост экстремизма среди молодежи, и насилие в колониях для несовершеннолетних. Имеются данные, что наиболее жестокие виды насилия (избиения, изнасилования, издевательства), совершаемые подчас немотивированно и с изощренным садизмом,

происходят в исправительных учреждениях для несовершеннолетних преступников, а перевод "на взрослую зону" многими несовершеннолетними заключенными расценивается как благо [6].

Социальная несправедливость в области образования заключается в том, что общество не может обеспечить *высококачественного* образования для всех граждан, которое позволило бы им быть конкурентоспособными на рынке труда. Это связано со многими причинами объективного и субъективного характера. К объективным причинам следует отнести, прежде всего, большие экономические затраты на школы, оборудование, высокую зарплату для учителей и т.д., а также неспособность некоторых людей к получению современного образования в полном объеме из-за их врожденных особенностей. К субъективным - неготовность и нежелание общества вкладывать деньги в образование лиц, неспособных оплачивать это образование самостоятельно.

В рамках Программы дошкольного воспитания г. Перри в США ставилась цель снижения риска противоправного поведения. В группу набирались дети в возрасте 3 лет из семей с низким социально-экономическим положением и культурным уровнем на период 2 года (всего в программе участвовало 123 темнокожих ребенка), планировалось совершенствование их интеллектуального и социального развития. Позже выяснилось, что дети, участвовавшие в программе дошкольного воспитания, лучше (по сравнению с контрольной группой) учились в школе, как правило, оканчивали учебное заведение и получали работу. Уровень подростковой беременности был значительно ниже (почти вдвое), а уровень арестов был на 40% ниже. Анализ финансовых затрат проекта Перри показал, что он ежегодно обходился примерно в 5000 долларов на каждого ребенка. Несмотря на большие расходы, программа полностью окупает себя в будущем [7, с. 9-10].

Связь образования с преступностью и девиантностью в целом не однозначна. Так, феномен "беловоротничковой преступности" обусловлен нормонарушениями образованных людей. Например, их доля выше, чем доля рабочих, по такому виду преступления, как взяточничество. То же можно сказать о теневой экономике, где "преступления" совершают высокообразованные менеджеры, юристы, высококлассные специалисты. Их действия объясняются, с одной стороны, отсутствием социально адекватных или наличием социально неадекватных норм, регулирующих экономическую деятельность. Например, "узаконенные" поборы при регистрации (получении лицензии); налоговый прессинг (до 80-85%), заставляющий скрывать доходы от налогообложения; необеспеченность защиты предпринимательской деятельности, толкающая на сотрудничество с криминальными структурами и т.д. [8, с. 216].

Преступную деятельность высокообразованных людей можно объяснить и тем, что в их ценностной иерархии под давлением несправедливости, творимой в обществе, моральные ценности утратили свое значение. Образование без нравственности может привести к страшным последствиям.

В *рационально-этической модели* формирование личности преступника обусловлено такими проявлениями несправедливости, как лишенность благоприятной среды развития, установление неравных возможностей приобщения к культурным ценностям, депривация родительского внимания и отсутствие добрых человеческих отношений в ближайшем окружении (теория научения, теория дифференцированной связи, теория социальных связей, теория социализации, социально-психологический вариант теории контроля, теория диссонанса, теория конфликта, теория напряжения и др.).

По данным зарубежных исследований, примерно 65% детей, подвергающихся жестокому обращению в семье, имеют нарушения в поведении (проблемы в школе, трудности интеграции в социальную среду); 21% претерпевших эмоциональное насилие или изнасилование отказывались от пищи, 34% наносили себе какой-нибудь вред, 26% воровали; среди взрослых, подвергавшихся жестокому обращению в детстве, 26% курили, 22% регулярно потребляли алкоголь, 18% использовали наркотики, 16% предпринимали попытку суицида, 60% имели трудности с сексом; женщины, под-

вергшиеся в детстве сексуальному злоупотреблению, гораздо чаще позже становятся жертвами новых изнасилований и начинают заниматься проституцией [9, S. 76-77].

Так, неблагоприятные семейные условия в России (низкий доход, неполная семья, родительский алкоголизм и т.п.) порождают веер тенденций. Ежегодно 60000 женщин лишаются материнских прав [10, с. 8-10]. Спасаясь от жестокого обращения, ежегодно кончают жизнь самоубийством примерно 2 тысячи детей и подростков, 50 тысяч уходят из семьи, 6 тысяч - из детских домов и интернатов. В общей сложности 25-26 тысяч несовершеннолетних ежегодно становятся жертвами преступных посягательств, из них около 2 тысяч погибают, 8-9 тысяч получают телесные повреждения. В России регистрируется свыше 2,5 тысяч сексуальных преступлений, включающих развратные действия взрослых лиц в отношении малолетних детей, с каждым годом все больше совершается изнасилований несовершеннолетних [11, с. 2-3]. Очевидно, что такие условия социализации породят ответную реакцию в виде различных форм девиантного (не обязательно направленного на других людей) поведения.

Социальная несправедливость заключается в отсутствии или неразвитости нормативно-правовой базы (совокупности законов с соответствующими механизмами их реализации, социальных проектов и программ), позволяющей адекватно реагировать на изменяющуюся ситуацию и защищать права детей и подростков, создавая тем самым условия для их интеграции в легитимное социальное пространство.

Согласно *антрополого-биологической модели* социальная несправедливость в отношении личности преступника проявляется в неравной возможности получения медицинских услуг для лечения некоторых психических заболеваний (повышенная возбудимость, депрессия, импульсивность поступков и т.д.), поддающихся полному или частичному излечению. Кроме того, речь может идти о неразвитой системе медицинского обслуживания, непросвещенности населения по вопросам поддержания здоровья и т.д. В России близка к эпидемической ситуация с сифилисом; все более распространенными становятся психосоматические заболевания у детей, в том числе по причине неблагоприятных семейных условий или неадекватного воспитания. В 1989 г. впервые установили диагноз заболевания психосоматическими расстройствами у 41 млн. детей до 15 лет, а в настоящее время ежегодно заболевают 8 млн. детей [10, с. 13-16].

Может возникнуть вопрос: "Как связаны между собой различные заболевания населения и рост уровня девиантности?". Во-первых, некоторые корыстные преступления совершаются для того, чтобы достать деньги на операцию близкому человеку, например, при онкологических или хронических заболеваниях, особенно если они наблюдаются у детей. Во-вторых, повышенный уровень, например, тревожности может привести к спонтанному агрессивным и/или насильственным поведенческим проявлениям. В-третьих, наркологи отмечают, что чаще становятся наркоманами люди, жизненный путь которых сопровождался следующими явлениями: патология беременности матери (токсины, инфекционные заболевания и др.), осложненные роды; частые, тяжелые и хронические болезни в детском возрасте; психические заболевания, скверный характер у кого-либо из близких родственников и др. [12]. В-четвертых, многие насильственные преступления совершаются людьми, страдающими разного рода психическими нарушениями, которые при нормальном функционировании системы здравоохранения (на основе системы социально-адекватных норм) и установлении реальной ответственности за негативные результаты деятельности могли бы быть выявлены и подвергнуты лечению на ранних стадиях.

Что касается *уголовно-правовой модели*, то здесь существующие социальные порядки, нормы и законы полагаются справедливыми; ответственность за их нарушение однозначно возлагается на злую волю самого нарушителя, предстающего в качестве единственного творца социальной несправедливости. В *религиозной модели* личности преступника аналогичным образом ответственность за правонарушения полностью возлагается на греховность самого человека, поддавшегося дьявольскому искушению. Таким образом, эти две модели смыкаются и являются *иррациональными* в той мере, в какой превращают правонарушителей в единственный источник со-

циальной несправедливости. Эти модели *рациональны* лишь в той мере, в какой отдельные нарушители действительно творят (по своей воле или в силу своей греховности) *несправедливость* в отношении других людей. Например, как считают специалисты, при анализе преступности несовершеннолетних следует особо осторожно относиться к оценке деяний по критерию "степень их общественной опасности". Так, у неспециалистов может вызвать тревогу и неправильную интерпретацию тот факт, что в структуре подростковой преступности тяжкие преступления составляют очень большую долю [13, с. 19]. Кажется, законодатель совершенно не учитывает психологии подростков, которые совершают групповые кражи зачастую ради баловства, "за компанию", желая похвастаться перед сверстниками своей "крутостью", доказать "мужественность", просто в определенной ситуации "быть как все", действовать по "стадному инстинкту". Если проанализировать реакцию правоохранительных органов с позиции социальной несправедливости, то можно сказать, что она базируется на социально неадекватных нормах уголовного права, *предписывающих* квалифицировать действия несовершеннолетних как *тяжкие* преступления. Это - стигматизация, влекущая увеличение срока отбывания наказания, а также возникновение у подростков чувства несправедливости, которое в дальнейшем побудит к новым преступлениям.

С точки зрения концепции социальной несправедливости существующие теории девиантности и преступности как массовых явлений на социальном уровне можно выделить четыре группы теорий в зависимости от того, какие внешние обстоятельства они рассматривают в качестве общей детерминанты этих феноменов.

Экономические теории (теория экономической депрессии, теория экономической экспансии, а также их смягченные варианты в виде, например, теории социального сравнения), несмотря на противоположность аргументации в некоторых отношениях, по сути дела едины в главном. Как в периоды экономического спада, так и в периоды подъема люди разделены на бедных и богатых. Бедные вынуждены удовлетворять свои витальные потребности нередко противозаконными способами. Конечно, богатые тоже совершают преступления, но их девиантность обусловлена не объективной нехваткой средств существования, а такими пороками, как жадность и стяжательство, необузданное стремление к обогащению и увеличению своей власти над другими.

Эти теории смыкаются и частично или полностью совпадают с *теориями*, видящими главную причину девиантности в **социальном неравенстве и стратификации общества**. Таковы марксистская теория, теории конфликта властей, неравных возможностей, конфликта социальных групп и аномии (Мертона). Каждая из них акцентирует свое внимание на определенных социальных противоречиях, аспектах неравенства. И все они содержат в себе долю истины. Единственная некорректность состоит в отождествлении социального неравенства с несправедливостью. Но социальное неравенство может быть как справедливым, так и несправедливым. Из них последнее выступает *частичной объективной* причиной девиантности. А **полной объективной причиной** являются две составляющие: *несправедливое равенство и несправедливое неравенство*.

Социальная стратификация выступает в качестве причины девиантности, но лишь в той части, в которой она (стратификация) обусловлена несправедливым неравенством. Та же часть стратификации, которая выступает проявлением справедливого неравенства, совершенно необходима для существования общества и не может быть причиной девиантности (по крайней мере, ее особо опасных форм) как *массового* явления, хотя она и может быть причиной отдельных девиантных деяний на почве зависти (субъективная причина) к представителю высших страт. В качестве иллюстрации к положениям данной группы теорий, прежде всего теории конфликта властей, можно привести пример с так называемыми контрреволюционными преступлениями, порожденными борьбой за власть различных политических группировок, нацеленных на создание легитимных механизмов уничтожения людей, неугодных власти. В случае с кулаками, зажиточными крестьянами, купцами и т.д. и интеллигенцией "леги-

тимный механизм" был основан на выработке социально неадекватных норм, позволяющих коммунистической партии проводить политику "зачистки" (геноцида) своего народа.

В рамках данной группы теорий социальная несправедливость может быть объяснена с помощью понятия "социальное противоречие", которое для всех названных теорий является центральным. На *социетальном уровне* противоречия будут выступать как следствие рассогласования в функционировании социальных институтов. Это рассогласование может быть обусловлено, например, отсутствием адекватных регуляторов *взаимодействия* между социальными институтами, непродуманностью *механизмов* реализации миссии социальных институтов (т.е. целей, достижения которых ждет от институтов общество) и/или явлением "*смещения целей*", которое существует в двух формах: официально принятые и декларированные производственно-трудовые цели подменяются имманентной целью аппарата управления - самосохранение любой ценой; производственно-трудовые цели подменяются средствами их достижения, из чего извлекает ближайшую материальную выгоду весь коллектив, а не только аппарат управления. Подмена целей средствами происходит тогда, когда работу людей и целых коллективов оценивают не по конечному социально полезному результату (в некоммерческих организациях) или по количеству полученной прибыли (в коммерческих организациях), а по объему израсходованных ресурсов. Во всех этих трех случаях в основе лежит либо дефицит социально адекватных, либо избыток социально неадекватных норм, которые порождают аномию, конфликт властей или социальных групп. Эти явления и объективно (по критерию "мера полезности для общества") и субъективно (как оценки в сознании большинства членов социума) воспринимаются как несправедливые, как повод протестных реакций.

Теории, видящие причины девиантности в *неоднородности и изменчивости нормативно-ценностной системы общества* (теория субкультур, социально-психологический вариант теории контроля и отчасти теория аномии Дюркгейма), так или иначе объединяются следующей идеей. Единая культура общества раздроблена на противостоящие друг другу субкультуры, задающие людям совершенно разные ментальные и поведенческие ориентации и стандарты. Это обстоятельство и выступает главным конфликтогенным и девиантогенным фактором в обществе. Но субкультурная раздробленность общества во многом сама является следствием социальной несправедливости, разделяющей людей на группы и страты с несовпадающими ценностно-нормативными системами. Стало быть, и эту группу теорий можно с полным правом включить в состав концепции социальной несправедливости как наиболее общей причины девиантности.

Иллюстрацией к основному тезису этой группы теорий может служить, например, противостояние миру взрослых отдельных молодежных группировок, которые пытаются установить свою социальную идентичность через дискриминацию различных групп населения (членов других группировок; мигрантов, "занимающих их рабочие места"; лиц другой национальности и т.д.). Во многом вина за такой экстремизм лежит на обществе, т.к. оно не предоставляет возможности (механизма) для нормального развития детей и подростков, не разработало концепции школьного воспитания, адекватной современным условиям, не создало механизмов включения молодежи в политическую и экономическую жизнь, не предоставило действенных программ поддержки нуждающихся категорий молодых людей.

Теории, усматривающие причину девиантности в *социальной дестабилизации* (концепция дестабилизации Реклесса, теория социальных связей, социологическая теория контроля, а также теория аномии Дюркгейма), также объединены общей идеей. В определенные периоды стабильное состояние общества сменяется дестабилизацией, нарастает дезорганизация, снижается уровень солидарности, ослабляются связи между людьми и соответственно слабеет социальный контроль поведения отдельных индивидов. Именно все это и является причиной девиантности. Но все эти причины можно свести к *одной причине* — *социальной несправедливости*. Когда в обществе

нарастает в силу различных обстоятельств социальная несправедливость или она уже царит в нем, именно тогда и наблюдаются все эти явления.

В России наблюдается постоянный рост уровня преступности. Если в 1985 г. уровень общей преступности на 100 тыс. населения составлял 989,8, то в 2000 г. - 2018,2 [8, с. 66]. Многие исследователи объясняют это явление аномией, т.е. отсутствием адекватного законодательства, регулирующего экономические, социальные, политические отношения между гражданами и социальными институтами. Резкий скачок преступности в 1999 г. (по официальным данным за шесть месяцев количество преступлений выросло на 30% по сравнению с тем же периодом 1991 г.) объясняют реакцией на ухудшение экономического положения, социальную и политическую нестабильность после дефолта 1998 г. [14, с. 81]. При фактическом отсутствии социально адекватных регуляторов (социально адекватных норм) реформирование привело к обнищанию большей части населения и обогащению далеко не лучшей его части. Применительно к современной России многие криминальные феномены можно также объяснить отсутствием (аномией) социально адекватных норм, регулирующих правовую реакцию общества на негативные явления (коррупции, терроризма, экстремизма).

Рассмотрим *теорию стигматизации* как главной причины девиантности. К ним относятся концепции "драматизации зла" Танненбаума, "социальной идентичности" Гоффмана, "вторичной девиации" Лемерта и "девиантной карьеры и этикетирования" Беккера. На наш взгляд, главной их некорректностью является слишком широкая трактовка понятия "стигматизация". Само это понятие в рамках данного направления исследований не нашло строгого определения, а в их контексте стигматизация нередко предстает как *любой произвольно устанавливаемый нормативный запрет* на определенный вид поведения (стигматизация поведения), нарушитель которого объявляется девиантом (стигматизация индивида). При такой широкой трактовке получается, что если упразднить стигматизацию (или клеймение), то исчезнет и девиантность. Видимо, следует уничтожить нормативную систему общества или по меньшей мере все запрещающие нормы, без которых социальная система существовать не может. Эти теоретические затруднения исчезнут, если стигматизацию определить как *несправедливое навешивание позорящего ярлыка* на человека или определенный вид поведения, что, как представляется, более соответствует глубинной сути обсуждаемых теорий, да и языковой интуиции рядового человека.

Объяснительный потенциал концепции стигматизации можно использовать при описании процесса воспроизводства преступности, протекания девиантной карьеры, возникновении социально-неадекватных норм и их влиянии на уровень девиантности в обществе, "системного" насилия и т.д. Однако многие явления в социуме, также обусловленные несправедливой стигматизацией, остаются скрытыми от глаз исследователей, а потому не получают соответствующей реакции в целях их изменения. В США в рамках работы с несовершеннолетними правонарушителями были созданы специальные службы по месту жительства. Однако исследователи заговорили о малоэффективности и бесполезности этих учреждений. Какие обстоятельства вынудили к такому решению?

Обнаружилось явление, получившее название "расширение охвата". Оно связано с возрастанием числа лиц, попавших в поле зрения специальных социальных служб. Казалось бы, это должно радовать общественность. Но не будь этих специальных служб, многие подростки получили бы лишь предупреждение от полиции, для них сам факт общения с полицией и занесение личных данных в компьютер являются мощным стимулом для прерывания девиантной карьеры. Попав в поле зрения системы, они становятся предметом ее труда, цель которого - во что бы то ни стало *исправить* правонарушителя. Но установление контроля, который кроме всего прочего делает поступок известным широкому окружению (родственникам, друзьям, соседям, школе), способствует закреплению стигмы. А стигма необходимым образом обуславливает дальнейшее развитие девиантной карьеры. Таким образом, система, призван-

ная исправлять, лишь ускоряет процесс становления делинквента. Все это приводит к автоматическому исключению стигматизированного из многих социально одобряемых процессов [15, с. 138-145].

Такое социальное исключение у нас, преследующее молодого человека всю жизнь, также способствует возникновению отчуждения, которое проявляется в разного рода девиантных поступках: от ухода в потребление алкоголя или наркотиков до совершения тяжких преступлений. При этом не следует забывать о чудовищной практике обращения с несовершеннолетними в милиции: пытки и изнасилования, издевательства и угрозы, шантаж и нечеловеческие условия пребывания в СИЗО [16, с. 90-97]. К сожалению, реалии нашей жизни таковы, что любое соприкосновение с милицией даже взрослого человека причиняет глубокую психическую, а иногда физическую травму на всю жизнь.

Итак, несмотря на мировоззренческое, методологическое многообразие существующих теорий девиантности, все они могут быть объединены в рамках одной концепции, поскольку каждая из них раскрывает прямо или косвенно одну или несколько сторон социальной и/или индивидуальной несправедливости. При этом следует иметь в виду, что содержание понятий "социальная справедливость" и "социальная несправедливость" остаются постоянными в разных обществах, а объемы этих понятий могут различаться как в разных обществах, так и в одном и том же обществе в разные времена. С изменением объема названных понятий неизбежно изменится объем понятия "девиантное поведение", поскольку изменятся совокупности социально-адекватных и социально-неадекватных норм, задающих нормативную базу для социальных взаимодействий.

Логику проявления социальной несправедливости на разных уровнях социальной реальности можно представить следующим образом. Макроуровень ее форм как результата существования в морали и праве социально неадекватных норм представляют экономические, правовые, религиозные, моральные и социально-политические факторы. Ее социокультурными последствиями на социетальном уровне выступают аномия, несправедливая стигматизация, субкультурная дифференциация, конфликты, ослабление социальных связей и контроля. На микроуровне несправедливость проявляется в отношениях "индивид-индивид", "индивид-группа" и т.д. как различные виды девиантного поведения и деятельности. Здесь представлена статичная картина влияния социальной несправедливости на возникновение разных видов девиантности. Понятия, при помощи которых современные концепции описывают возникновение преступности и девиантности в обществе ("аномия", "стигматизация", "субкультурная дифференциация", "конфликты властей", "конфликт социальных групп", "ослабление социальных связей", "уменьшение социального контроля" и т.д.), соотносятся с понятием "социальная несправедливость" как отдельное и общее или как менее абстрактное и более абстрактное понятия. Теории преступности и девиантности при рассмотрении причин соответствующих явлений каждый раз обращаются к анализу социальных норм. Социальные нормы, мера их полезности являются средством установления и восстановления социальной справедливости. Это позволяет говорить о нарушении социальной справедливости - социальной несправедливости - как наиболее *общей причине*, которая в каждом конкретном случае конкретизируется через более частные феномены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иванов О.И.* Методологические принципы междисциплинарности // Компаративистика - III: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. СПб., 2003.
2. *Айдинян Р.М., Шитунова Т. В.* Методологические тупики социологии // Проблемы теоретической социологии. Вып. 4. СПб., 2003.
3. *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
4. Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса. М., 2000.

5. Преступность и правонарушения (1995-1999 г.г.). М., 2000.
6. Поиски выхода. Преступность, уголовная политика, места заключения в постсоветском пространстве. М., 1996.
7. *Грэхэм Дж., Беннет Т.* Стратегии предупреждения преступности в Европе и Северной Америке. Хельсинки, 1995.
8. *Гишинский Я.* Криминология. СПб., 2002.
9. Kindesmisshandlung. Erkennen und Helfen. Hg. Kinderschutz-Zentrum Berlin. Berlin, 2000.
10. *Бойко В.В., Оганян К.М., Копытенкова О.И.* Социально защищенные и незащищенные семьи в изменяющейся России. СПб., 1999.
11. Основы законодательства о ювенальной юстиции Российской Федерации. Авторский проект Федерального закона. М., 1999.
12. *Белогуров СБ.* Наркотики и наркомании. СПб., 1997; Актуальные проблемы организации медико-психо-социальной помощи несовершеннолетним, злоупотребляющим психоактивными веществами, в условиях крупного города. СПб., 2003. С. 14-24.
13. *Забрянский Г.И.* Статистика преступности несовершеннолетних в России в 1998 году. М., 2000.
14. *Гишинский Я., Афанасьев В.* Социология девиантного (отклоняющегося) поведения. СПб., 1993.
15. Энциклопедия социальной работы. В 3 т. Т. 2.: Пер. с англ. М., 1994.
16. Проблемы ювенальной юстиции: сравнительный анализ ситуации в России, Великобритании и Швеции. СПб., 1998.